

The history of relations between the State and religious denominations История взаимоотношений государства и религиозных конфессий

DOI [10.31162/2618-9569-2018-11-4-724-740](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-4-724-740)

УДК 94(477.75)»17/18»+2-4/-7:28

Original Paper

Оригинальная статья

Особенности формирования мусульманского «наследственного» духовенства в Тавриде в 1783–1831 годах

И. К. Загидуллин

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>, e-mail: zagik63@mail.ru

Резюме: как обособленная корпоративная группа мусульманское духовенство Тавриды оформилось указом от 17 сентября 1796 г., когда получило льготу от налогов и повинностей. Состав «наследственного» мусульманского духовенства особенно активно обновлялся вследствие эмиграционных волн местного населения в конце XVIII и начале XIX в. Его ядро составляли духовные лица ханской эпохи, признавшие своей новой родиной Россию, и их потомки. Дефицит в духовных лицах, вызванный эмиграционными движениями в Османскую империю, способствовал занятию вакантных приходских должностей поселянами и мещанами, сумевшими зарегистрироваться в ревизских сказках 1795 и 1811 гг. духовными лицами. Тем самым религиозные общины стремились обеспечить преемственность религиозной традиции и практики, создавая альтернативу в выборе местного духовного лидера. Попытка власти путем учреждения в 1831 г. закрытого привилегированного духовного сословия Тавриды установить контроль над динамикой его численности оказалась нереализуемой, иллюзорной идеей. Уже в 1833 г. была легализована большая группа «личного» духовенства, состоящего из лиц податных сословий и освобожденного от налогов и повинностей на период пастырской службы.

Ключевые слова: государственно-исламские отношения; движение эмиграции в Османское государство; крымско-татарское приходское духовенство; переписи населения 1795 и 1811 гг.; таврические муфтии

Благодарности: издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17-11-16011.

Для цитирования: Загидуллин И. К. Особенности формирования мусульманского «наследственного» духовенства в Тавриде в 1783–1831 годах. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(4):724–740. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-4-724-740](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-4-724-740).

The Crimean Tatar hereditary clergy and its genesis (1783–1831)

Ildus K. Zagidullin

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences,

Kazan, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>, e-mail: zagik63@mail.ru

Abstract: the article deals with the Islamic clergy on Crimea (the Province of Tauria), which as a corporate body was officially registered on the 17th of September 1796. On that day the clergy officially became tax exempt. The Islamic “hereditary” clergy in Crimea was not homogenous: its formation was influenced by the migration movements of the local population in the 18th–19th cent. The nucleus of the “hereditary” clergy consisted of the spiritual leaders of the bygone epoch who accepted the Russian Empire as their new *patria*. The deficit in clergymen, which was provoked by the mass emigration of the Crimea Tatars to the Ottoman Empire resulted in the fact that many vacant places were taken by the low classes (petty bourgeois) who did manage identify themselves in the Russian registry documents in 1795 and 1811 as “clergy”. In this way Tatar religious communities sought to ensure the continuity of their religious traditions and practices as well as to create an alternative in choosing a local spiritual leader. The attempt of the Russian authorities to establish in 1831 of the closed privileged class of Tauria’s clergy in order to control their number, turned out to be unrealistic. However, already in 1833, a large class of “hereditary” clergy was legalized by making them tax and other duties exempt when they were actively involved in the pastoral care.

Keywords: Crimea Tatars of; Crimean Tatar, hereditary clergy of; Empire Russian, Islam; M. R. Kantakuzen-Speransky; Tauria, the Russian province of, Islamic population of

Acknowledgements: the publication was supported by the the Russian Federal Property Fund and Government of the Republic of Tatarstan. Grant No. 17-11-16011.

For citation: Zagidullin I. K. The Crimean Tatar hereditary clergy and its genesis (1783–1831). *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(4):724–740. (In Russ.) DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-4-724-740](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-4-724-740).

Введение

В средневековом традиционном обществе существовала «семейная специализация» – традиция передачи профессии от отца к сыну, что объяснялось отсутствием системы профессионального образования, сложившейся практикой освоения новой профессии под руководством главы семьи, этносоциальной стратегией средневекового общества. Этот тезис в значительной степени правомерно распространить на подготовку приходского духовенства, ибо обучение в медресе, получение религиозного образования было связано с материальными возможностями каждой семьи и требовало значительного времени и средств. Считалось, что священнослужители в рамках семейного воспитания и обучения могут подготовить достойных преемников. В то же время, согласно исламской

традиции, каждый грамотный и подготовленный мусульманин может возглавить и мусульманское богослужение, и исполнение религиозных обрядов.

В Крымском ханстве мусульманское духовенство относилось к привилегированной социальной группе. В ярлыках первых крымских ханов упоминались следующие представители духовенства: имамы – руководители приходских общин; мударрисы – учителя богословия в конфессиональных учебных заведениях; мухтасибы – блюстители шариата в приходских общинах; лица, обязанные контролировать правильность мер и весов, соответствие цен на товары; муадзины – служители мечетей, оглашавшие призыв на молитву; мутевели – ответственные за вакуфные земли и вакуфные капиталы; дюрбедары – служители мавзолеев – дюрбе. Все эти должности избирались приходом. При отсутствии улемов прихожане могли избрать имамом члена общины, пользовавшегося авторитетом и получившего начальное религиозное образование [1, с. 37–38].

После аннексии Российской империей Крымского ханства Манифестом от 8 апреля 1783 г. Екатерина II обещала местным мусульманам «охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно»¹. В подкрепление данного публичного заявления императрицы предпринимались конкретные шаги на законодательном уровне. В частности, указом от 1 ноября 1783 г. татарским мурзам и чиновникам был разрешен прием на военную службу и награждение офицерским званием², что открыло возможность записи к дворянскому званию посредством военной службы. Согласно другому указу, от 22 февраля 1784 г., «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства», мурзы, доказавшие свое благородное происхождение, могли записываться в потомственные дворяне³.

Еще одной мерой укрепления лояльности представителей крымско-татарской элиты, сохраняющих историческую память и определяющих идеологические установки единоверцев к инокультурному окружению, стал указ от 17 сентября 1796 г., принятый по ходатайству «депутатов дворянства» Таврической области. Одна из статей нового закона объявила местное мусульманское духовенство освобожденным от налогов [2, с. 16–18].

Однако упразднение национального государства, вызвавшее качественные структурные изменения в крымско-татарском сообществе, несмотря на приписку мурз и биев к привилегированному сословию, сохранение вакуфов и прежнего религиозного уклада жизни [3, с. 207–220], стало причиной вынужденной эмиграции в Османское государство. В авангарде движения мухаджирства оказались духовные лица и другие активные социальные элементы, которые не приняли новые порядки или опасались за свою этноконфессиональную идентичность. Для представителей духовенства проблема была связана с религиоз-

¹ ПСЗ-1. Т. 21. № 15708.

² ПСЗ-1. Т. 21. № 15861.

³ ПСЗ-1. Т. 21. № 15936.

ным мировоззрением и активным поиском ответа на вопрос о возможности или невозможности существования мусульман и ислама в православном государстве. Мы предполагаем, что в эмиграциях 1784–1786 и 1804–1806 гг. [4, с. 55] историческую родину покинула большая группа мусульманского духовенства, что, в том числе, было спровоцировано некоторыми мероприятиями властей.

Важно подчеркнуть, что военная администрация в целом весьма лояльно относилось к местному населению [5, с. 161]. Однако в первые годы российско-го владычества проявились контуры миграционной политики властей, обусловленной тогда военными обстоятельствами. Некоторые инициативы военной администрации усугубляли опасения населения за свое будущее, на них накладывались различные слухи, усиливая мотивацию к выезду в Османское государство. Так, например, накануне Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и после ее начала власти принудительно выселили мусульман не только из крупных прибрежных городов, но и с побережья от Балаклавы до Алушты и от Феодосии до Керчи. В 1787 г. прежнее место жительства оставили 5161 человек, в 1788 г. с территории между Алуштой и Феодосией и с евпаторийского побережья полуострова были экстренно выселены жители всех населенных пунктов. Правда, после войны власти разрешили переселенцам вернуться на прежнее местожительство [6, с. 29]. Трудно сказать, сколько поселян вернулось в родные селения, учитывая возможность повторения этого сценария в случае новой войны.

Помимо «регулирования» внутренней миграции крымских татар, одним из ключевых элементов миграционно-демографической политики российских властей в Крыму следует признать скрытое, а в некоторых случаях открытое, содействие переселению коренного населения в Османское государство, а в отношении нелояльных лиц – высылку в русские области с целью изоляции от единомышленников.

В 1783 г., перед оглашением манифеста императрицы от 8 апреля, князь Г. А. Потёмкин «распорядился не препятствовать эмиграции старожильческого населения из Крыма». После принятия коренным населением присяги на верность российскому престолу позиция сановника изменилась, хотя порой он отступал от своей же установки. Скажем, если в 1784 г. новороссийский генерал-губернатор приказал принять меры к прекращению мухаджирского движения, а в 1787 г. проанализировать и устранить причины эмиграции мусульман [6, с. 29], то одновременно, намереваясь организовать в г. Феодосии «главный купеческий порт», 7 января 1787 г. он предписал правителю Таврической области В. Каховскому «выпустить всех тамошних жителей за границу» [7, с. 6].

В начале 1788 г. власти старались всячески препятствовать распространению в Крыму идеологии суфийского проповедника и руководителя национально-освободительного движения народов Северного Кавказа шейха Мансура (1760–1794), организовав поиски и преследования дервиша – его представителя [8, с. 101–104]. Считая мусульманское духовенство своим главным идеоло-

гическим противником, Г. А. Потёмкин 28 февраля 1788 г. приказал сослать в наместнический город Кременчук, расположенный на берегу Днестра, «всех тех, которые умышленно оказали участие в учреждении 3-дневного поста и молитвы, держанных татарами в северной части Тавриды», не исключая муфтия [9, с. 59]. В результате из Евпаторийского и Перекопского уездов было временно выселено 71 духовное лицо [8, с. 104–106].

Итак, новые власти не препятствовали, а скорее оказывали скрытое содействие первым волнам движения мухаджиров, решая тем самым важнейшую геополитическую задачу по избавлению мирным путем от потенциальных нелояльных мусульман. Обратной стороной данной политики стало заселение освободившихся мест «трудолюбивыми христианами» – греками, болгарями и другими приглашенными переселенцами [5, с. 152, 153].

Еще одним новым явлением в выстраивании внутривосточного курса по интеграции края в империю в середине 1780-х – первой половине 1890-х гг. следует признать политику игнорирования мусульманского духовенства. Отстранение приходского духовенства от процессов взаимодействия крымских татар с властями и стремление превратить его в маргинальный элемент в социальной жизни нового Крыма, несомненно, болезненно воспринималось имамами. Примечательно, что второй (и последний) правитель Таврической области С. С. Жегулин, занимавший эту должность в 1789–1796 гг., весьма критически относился к местной элите – духовенству и мурзам, именую их не иначе как лицами, «большею частью коварными и к разврату всегда склонными». С. С. Жегулин считал, что нужно договариваться не с ними, а со старейшинами поселян [10, с. 114–115].

Демографический фактор, этноконфессиональная топография края наряду с формой управления являлись ключевыми маркерами в определении фронтальных зон Российского государства. Важнейшим рубежом в интеграции края в общеимперское политико-административное пространство явилось учреждение в 1802 г. Таврической губернии. Административная реформа стала точкой отсчета трансформации фронта-региона во «внутреннюю» губернию [11, с. 6], где действовала общеимперская система управления, хотя и сохранялись «родимые пятна» специфического статуса некоторых групп населения.

Новые явления в структуре приходов и духовенства

В условиях обозначившегося после первой волны эмиграции крымских татар дефицита духовных лиц произошли структурные изменения и в организации молитвенных собраний, и в составе приходского духовенства, и во взаимодействии приходов с высшим духовенством. Прежде всего, новым явлением следует назвать установившуюся практику исполнения хатибами по совместительству функций имамов, что резко контрастировало с традицией ханского периода, когда соблюдалось четкое разделение обязанностей между духовными лицами. Вторым заметным явлением стали факты «двойного совместитель-

ства», когда одно и то же духовное лицо совмещало обязанности в своем и соседнем приходах.

Такие совмещения, востребованные и выгодные и духовным лицам, и прихожанам, происходили внутри обществ, не выходя на уровень муфтия или администрации. При определении хатибов и имамов власти пресекали возможность «соединения» должностей. Лишь на основании ходатайства таврического муфтия, сообщавшего о правомерности по шариату такого совмещения и его важности для бедных мечетей (и приходов), не имеющих средств на содержание многочисленного духовенства, МВД в 1843 г. предоставило хатибам право совершения пятивременных намазов в соборной мечети (джума-джами), а имамам – совершение пятивременных намазов в соборной мечети⁴. Этим нововведением правительство Николая I выигрывало в вопросе сокращения численности духовенства.

В начальный период вхождения края в состав России к движению мухаджиров примкнули отдельные семьи, а не целые общества, как это произошло после Крымской войны, поэтому большинство мечетей продолжало существовать. Резкое сокращение численности духовенства подвергло приходы социальным потрясениям, если учесть, что оставляли историческую родину семьи духовных лиц, в том числе женатые и неженатые сыновья, обучавшиеся в медресе, старшие из которых были уже подготовлены к духовной службе. Для подготовки нового поколения духовенства требовалось значительное время, которого у крымско-татарского сообщества не было. Рассмотренные модели формирования качественно новых взаимоотношений между прихожанами и духовными лицами, в случае добросовестного исполнения ими своих новых обязанностей по совместительству, гарантировали сохранение прежнего и даже более высокого уровня религиозной практики, однако, как оказалось, объективно они не могли полностью решить проблему нехватки религиозных кадров.

Местная администрация не вмешивалась в вопросы организации религиозно-обрядовой жизни в приходах, доверив ее вновь назначенным 24 апреля 1784 г. муфтию и кади-эскеру⁵. Думается, муфтию Мусалафу, занимавшему эту должность после отца и деда, несмотря на высокое положение и авторитет предков, вряд ли удавалось владеть ситуацией. Дело в том, что до 1783 г., помимо мнения высшего духовенства, ключевое слово в утверждении кандидата на приходскую должность принадлежало крымскому хану, имевшему возможность наложения «вето». В согласовании кандидата на духовную должность какое-то значение имело мнение кадиев, осуществлявших юрисдикцию по судебнo-административным округам – кадылыкам, которых к моменту аннексии государства насчитывалось 44. Между тем учреждение в 1784 г. Таврической области сопровождалось упразднением прежней системы управления и созданием крупных административно-территориальных единиц – нескольких уез-

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 625. Л. 57–57 об.

⁵ ПСЗ-1. Т. 22. № 15988. П. 3.

дов [6, с. 31]. В этой связи предложение таврического генерал-губернатора графа П. А. Зубова 1792 г. по созданию института уездных эфендиев предполагало учреждение среднего звена контроля взамен прежних кадиев в кадылыках. Второй причиной расстройства системы контроля над религиозными институтами на местах представляется отъезд части кадиев в Османское государство.

Еще одной причиной ослабления контроля над духовенством, по нашему мнению, стала «обезглавленность» местного мусульманского сообщества после кончины в 1791 г. муфтия Мусалафа. На прошение графа П. А. Зубова от 28 июня 1792 г. о назначении на должность муфтия кади-эскера и избрании вместо кади-эскера пяти эфендиев, которые под представительством муфтия «составляли бы духовную в Тавриде Консисторию», высшая власть ответила лишь в начале 1794 г. указом от 23 января. С большим опозданием кади-эскер Сеит Мегмет был назначен муфтием, ему в помощь были определены кади-эскер Абдураим-эфенди с пятью эфендиями с жалованьем. Все вместе они должны были составить под председательством муфтия духовное правление⁶, призванное контролировать приходское духовенство.

В контексте нашего исследования привлекает внимание документ под названием «Штаты духовного правления магометанского духовного закона и правила для производства и об обязанностях духовных» 1805 г., составленный таврическим губернатором Д. Б. Мертваго. В нем подробно регламентирован порядок утверждения духовного лица, в котором отсутствовало место приходского общества как института, выдвигающего кандидата на должность: «Избрание людей, в духовное звание определяемых, как-то: мулл и прочих, при мечетях и школах должности отправляющих, зависит от муфтия. Он предлагает правлению экзаменовать их, и буде найдутся знающими и способными к назначаемым должностям, тогда духовное правление представляет их лично в губернское правительство, где через эфендия, в правлении заседающего, приводится к присяге, и за сим дается ему открытый лист за подписанием губернатора и с приложением печати, во свидетельство духовного его звания» (п. 5). Провинившихся лиц муфтий отдавал на суд Духовного правления (п. 7), решения которого утверждались губернатором (п. 10). В разделе проекта документа «О духовных магометанского закона, при мечетях и школах должности отправляющих» также отмечалось, что кандидат допускается к исполнению духовных обязанностей только после избрания «к тому способным от муфтия», успешной сдачи экзамена в Духовном правлении, принятия присяги в губернском правлении и получения «открытого листа, о звании его свидетельствующим» (п. 2) [12, с. 332–334].

Очевидно, проект в этой части резко контрастирует с порядком утверждения на духовные должности в округе ОМДС, где кандидаты в муллы избирались первоначально приходским обществом, затем процедура его утверждения шла так же, как прописана в проекте 1806 г. Мы склоняемся к тому, что в согласованном с муфтием проекте 1806 г. зафиксировано существовавшее в Крыму

⁶ ПСЗ-1. Т. 22. № 17274.

в ханский период правило, в котором не было места приходскому обществу. Этим вопросом, видимо, ведали мударрисы, рекомендуя шакирдов своим медресе на вакантные приходские должности, к нему имели отношение кадии в кадылыках, и, наконец, сам муфтий. В проекте 1806 г. полномочие крымского хана по утверждению духовного лица было заменено компетенцией «губернского правительства» и таврического губернатора. Лишь в исключительных случаях, когда в поселении отсутствовал имам или хатиб, местное общество, видимо, в качестве временной меры могло избрать из числа имеющих отношение к религиозному ритуалу лиц «второго плана» – руководителя общественного намаза и исполнителя треб. Таким образом, следует констатировать трансформацию традиционного порядка определения на духовные должности, ориентированного на утверждение подготовленных духовных кадров.

Не будет лишним упомянуть, что муэдзины или другие мечетские служители также когда-то обучались в мектебе или медресе, однако по уровню знаний не могли претендовать на духовные звания хатиба или имама. Теперь, в силу отсутствия подготовленных кадров, именно лица «второго плана» в организации религиозно-обрядовой жизни общины становились хатибами и имамами.

Переписи населения и приписки в состав духовенства

Пока вновь определенные на должности муфтий, кади-эскер и уездные эфендии ожидали создания обещанного самодержавной властью Духовного правления (учреждено лишь в 1831 г. – И. З.), в 1795 г. в Таврической области прошла первая перепись населения по российским нормам. По итогам переписи, призванной определить наличный состав податных людей, в качестве приходского духовенства (без какого-либо контроля со стороны духовного начальства) в ревизские сказки записались представители податных сословий, исполняющие по выбору местных жителей духовные обязанности в религиозных общинах, оставшихся без пастырей. Такое развитие событий было закономерно. Религиозные ритуалы являлись неотъемлемой частью всех значимых событий в семейной жизни прихожан (именнаречение, никах (бракосочетание), погребение умершего, раздел имущества, наследства и т.д.). Ездить за духовным лицом в соседнее поселение по каждому случаю было накладно и хлопотно. Одним словом, поселяне остро нуждались в лице, умеющем исполнять духовные требы. Важно отметить, что среди мусульман имелись лица, в той или иной степени имеющие отношение к совершению религиозных обрядов и обладавшие этими навыками. Это – муэдзины, учителя мектебов и медресе (гочи, хальфы, мударрисы), старшие воспитанники медресе, лица, занимавшиеся переписыванием религиозных текстов, коран-хафизы (лица, знающие наизусть Коран) [10, с. 67]. Именно они являлись первыми кандидатами на вакантные должности.

Итак, в условиях отсутствия контроля со стороны духовных властей к 1795 г. на образовавшиеся вследствие движения мухаджиров вакантные должности хатибов и имамов путем самовыдвижения и сговора с кланами сель-

ских обществ приходские должности заняли поселяне, не происходящие из духовных званий. В частности, в 1811 г. таврический муфтий Сеит Мустафа Челеби жаловался, что в ходе ревизии 1795 г. «много в числе духовенства помещено было таких, кои вовсе по незнанию наук, для духовенства предписанных, в духовном звании быть неспособны» [10, с. 124]. Видимо, среди них было немало лиц, целью которых было не только служение обществу, но и получение доступа к материальным ресурсам или вовсе меркантильные интересы. Прошение муфтия Сеита Мехмета, поданное императору в 1801 г., раскрывает еще одно интересное явление: во время переписи 1795 г. прихожане переводили в податное состояние потерявшее их доверие духовенство, создавая вакантные места для избрания новых духовных лиц [12, с. 320].

Таким образом, перепись населения 1795 г. законодательно закрепила обновленный состав приходского духовенства, а указ от 17 сентября 1796 г. об освобождении от податей и повинностей возвел мусульманское духовенство Таврической губернии в статус привилегированного сословия.

Муфтий и кади-эскер, не имея специального помещения, канцелярии и штатов сотрудников, могли в лучшем случае реагировать только на конфликты и жалобы, поступающие от прихожан или духовных лиц. Большинство муфтиев, особенно первые, проживали в сельской местности, а не в губернском административном центре – Симферополе [12, с. 340]. Они объективно не имели возможности ни проводить испытания кандидатов на знание основ ислама, ни контролировать процесс назначения приходского духовенства. Эти полномочия не делегировались и вновь назначенным эфендиям, потому что ожидалось открытие ТМДП, чего не произошло ни в конце XVIII в., ни в первой четверти XIX в.

Массовое обновление состава приходского духовенства и его легитимизация в конце XVIII в. стали настоящей головной болью для таврического муфтия. В 1801 г. Сеит Мехмет подал Александру I прошение, где наряду с другими просьбами поставил вопрос об открытии в Симферополе (Ак-Мечеть) духовного правления «для восстановления над духовенством надлежащего порядка», о причислении в духовенство записанных в казенные крестьяне татар из духовного звания на основании засвидетельствования муфтия об их религиозных познаниях [12, с. 320]. Однако в это время власти были обеспокоены многочисленностью духовенства, о чем свидетельствует предписание сенатора И. В. Лопухина от 5 февраля 1803 г. во исполнение «высочайшего» указания таврическому губернатору Г. П. Милорадовичу: «Рассмотреть, нужно ли по настоящему числу сего духовенства его умножение, какие можно назначить ему выгоды, судя по тем, кои оно уже имеет, каким образом удобнее может быть устроено сие состояние вообще и на каких правилах будет сходственнее учредить его правление» [10, с. 118].

Муфтий Сеит Мустафа Челеби, утвержденный в этой высокой должности в 1807 г. [13, с. 107], решил воспользоваться объявленной Манифестом от

18 мая 1811 г. новой переписью для ревизии состава духовных лиц, поставив во главу угла тотальную проверку их знаний по исламским наукам. Получив разрешение Таврической казенной экспедиции на запись в ревизских сказках уездными эфендиями и определенными муфтием лицами, «кои окажутся к сему способными», духовных лиц, Сеит Мустафа Челеби издал циркуляр от 20 июля 1811 г. за № 50–54. Муфтий приказал каждому уездному эфендию «отправиться в подведомственные... селения и за прибытием в каждое селение, собрав находящееся там духовенство, сделать каждому духовному порознь в науках, для духовенства предписанных, экзамен, и если кто по оному окажется знающим науки, таковых вносить в ревизию в число духовенства; тех же, кои по экзамену окажутся не знающими наук и, следовательно, не могущие быть в духовном звании, о таковых, объявля в сельской сборной избе, предоставить сельскому начальнику внести их в ревизию по тому селению в число казенных поселян. На таковом основании, сочиня по всякому селению о числе духовенства порознь ревизские по форме сказки и утвердя подписом своим, представлять как в утвержденную Комиссию, так равно и ко мне» [10, с. 124].

Предписание Таврической казенной экспедицией от 25 июля 1811 г. за № 1437 [10, с. 125] разрешало уездным эфендиям дополнительно, при наличии вакантных мест, приписать в духовенство, проведя соответствующий экзамен, способных поселян и мещан. В случае беспрекословного выполнения воли муфтия должно было произойти качественное обновление состава мусульманского духовенства. Однако муфтию Мустафе Челеби, хотя он и грозился принять в отношении эфендиев меры наказания в случае выявления нарушения своего приказа [10, с. 124], не удалось реализовать задуманное в полной мере. Во-первых, в циркуляре отсутствовали критерии, по которым определялось соответствие или несоответствие испытуемого лица, к тому же устный экзамен проходил один на один с испытуемым, при этом никакие протоколы или другие записи не составлялись, следовательно, имелся большой простор для манипуляций. Во-вторых, одной из главных причин был дефицит в подготовленных религиозных кадрах. Тем не менее правомерно утверждать, что благодаря активности и настойчивости муфтия Мустафы Челеби высшему духовенству удалось единоразово провести ревизию состава приходского духовенства и избавиться от части духовных лиц, не соответствующих по уровню своих знаний занимаемым должностям, и заменить их на более способных поселян.

Нереализованный проект муфтия Сеита Джемиля

Если принять во внимание продолжительность жизни каждого поколения по 25–30 лет, то к 1830-м годам в крае духовные должности занимали третье и четвертое поколения лояльных к самодержавию духовных лиц, иначе говоря, сформировалось потомство российского мусульманского духовенства.

Следующим таврическим муфтием, попытавшимся установить контроль над процессом определения на духовные должности, стал бывший кади-эскер

в 1820–1829 гг. Сеит Джемиль, утвержденный на новой должности 7 октября 1829 г. [13, с. 108, 109]. Несмотря на недостаток источников, мы склоняемся к тому, что он, как и муфтий Сеит Мустафа Челеби в 1811 г., планировал кардинальное обновление состава духовенства через проведение экзамена всему служащему духовенству, заменяя недостойных «более способными» поселянами. В случае невозможности его реализации Сеит Джемиль, как и муфтий Сеит Мехмет в 1801 г., хотел исключить из состава духовенства всех лиц податных сословий, с тем чтобы вакантные должности занимали исключительно представители духовного звания. На наш взгляд, такая позиция была вызвана двумя обстоятельствами. Во-первых, новыми реалиями в системе подготовки крымско-татарских религиозных деятелей вследствие малочисленности ученых мударрисов. В результате мухаджирства части ученых мударрисов-наставников произошло падение уровня преподавания в действующих медресе. Во-вторых, и это самое главное, отсутствие должного контроля со стороны муфтия над религиозно-обрядовой жизнью прихожан способствовало концентрации вопросов определения на духовные должности в руках, с одной стороны, социально активных лиц, ищущих свою выгоду в этой должности, и с другой – общества прихожан. Важно отметить, что ориентированность Сеита Джемиле на «наследственное» духовенство объяснялась не только корпоративной солидарностью. Это была попытка достойно выйти из сложной ситуации, заложником которой оказались таврический муфтий и его ближайшее окружение. Принадлежность кандидата на приходскую должность к семье духовного лица являлась своеобразной гарантией его подготовленности к пастырской службе благодаря семейному воспитанию и полученному под контролем отца религиозному образованию. Во-вторых, данный критерий, несмотря на возможность злоупотребления этой категорией лиц своим привилегированным статусом, представлялся «наименьшим злом» по сравнению с бесконтрольным избранием разных лиц на вакантные духовные должности религиозными общинами, которые не имели представления об уровне их знаний по мусульманскому вероучению.

В рамках кодификации законов Управление духовными делами иностранных исповеданий составило в 1830 г. проект «Положения о Таврическом магометанском духовном правлении и порядке отправления подлежащего ведению его дел», которое успешно прошло экспертизу новороссийского генерал-губернатора. Видимо, муфтий Сеит Джемиль был осведомлен о планах правительства по формированию духовного сословия. Об этом косвенно свидетельствует переписка муфтия с начальником Управления духовными делами иностранных исповеданий Д. Н. Блудовым. В рамках доработки проекта Д. Н. Блудов 25 ноября 1830 г. запросил у муфтия ответы на вопросы: «Существуют ли между таврическим магометанским духовенством звания муджавиров и феррашей, встречаемые в делах Оренбургского магометанского духовного собрания, и какие магометанские духовные степени и звания вообще находятся в Таврической губернии?»; «Принадлежат ли текие и их настоятели шейхи к магометанскому

духовенству, и если принадлежат к оному, то должны ли быть подчинены общему магометанскому начальству наравне с прочими?»; «В случае продолжительного отсутствия уездного кадия для дел службы кому во время одного может быть поручено исправление его должности в уезде?» [10, с. 153].

В ответ муфтий Сеит Джемиль 28 января 1831 г. представил справку, в которой «постарался осветить старшинство кандидатов в духовенство из того или другого рода и степени почета, которым пользуются у татар потомки знаменитых предков» [10, с. 45–46], сообщив, что крымско-татарское духовенство подразделяется по происхождению на четыре рода: сеиты, оджак, баба-заде и магди. По его сведениям, первую степень занимает род садят (сеиты), ведущий свое начало от первого, после Пророка Мухаммада, халифа Абубакера. Вторую степень составляют так называемые роды оджак, или тэкедары, происходящие от первых в Крыму шейхов и по имени своих родоначальников именуемые качи, кулечь, ташлы и чуюнчи. К третьей степени причисляются баба-заде, предки этого рода занимали звания муфтиев и кади-эскеров, а четвертую степень, называемую магди, составляют «все прочие духовные» [10, с. 154–155].

После получения известия о высочайше утвержденном «Положении о Таврическом магометанском духовном правлении и порядке отправления подлежащего ведению его дел» от 23 декабря 1831 г., муфтий Сеит Джемиль обратился к министру внутренних дел Д. Н. Блудову с предложением обновить состав приходского духовенства. «До образования Таврического духовного правления, при определении магометан в духовные должности, – писал муфтий, – не было обращено внимание на их способности, что при ревизиях записаны в податное состояние многие люди духовного происхождения, а к духовенству приписаны такие, которые по их невежеству права на сие не имели»⁷. «Приписывая сим обстоятельствам разные упущения и замешательства», таврический муфтий предлагал подвергнуть испытанию всех духовных лиц, с тем чтобы всех оказавшихся «неспособными» приписать в податное состояние, «если бы от сего произошел недостаток в духовных, то приписать к духовенству других из податного состояния людей, более способных»⁸.

Однако «Положение» 1831 г., закрепившее крымско-татарское духовенство в качестве привилегированного сословия, не предусматривало возможности приписки в «наследственное» духовенство⁹. Ища выход из создавшегося положения, министр внутренних дел Д. Н. Блудов рассуждал: 1) «испытание всех вообще духовных для обращения неспособных в податное состояние было бы и затруднительно, и не совсем согласно [“]Положением[“], ибо они не имеют нужды в испытании, доколе не будут приходами избраны»; 2) они имеют право по своей воле приписаться в купеческое или мещанское сословия, однако «людей податного состояния к духовным должностям определять нель-

⁷ ПСЗ-2. Т. 8. Ч. 1. № 6466.

⁸ Там же.

⁹ ПСЗ-2. Т. 6. Ч. 2. № 5033. § 9.

зя»; 3) «записанные в двух состояниях, т.е. в духовном и податном, должны быть исключены из первого». Министр запросил у муфтия сведения: кто из «духовных» исполняет духовную должность или не исполняет и кто записан «в двух состояниях»¹⁰.

Согласно сообщению муфтия, 864 лица из податных сословий, исполняющие обязанности хатибов, имамов и муэдзинов, являются препятствием к определению сыновей духовенства на приходские должности: «Хотя многие из духовных найдены достойными занять сии места и изъявили на то желание, но общества их не избирают». Если принять во внимание, что по данным 8-й ревизии (1835) в Тавриде насчитывалось всего 2796 духовных лиц [3, с. 212], то можно утверждать, что они составляли около трети служащего духовенства. На основании мнения министра, от имени ТМДП муфтий высказался за удаление всех этих 864 лиц из духовной касты, обязав приходские общества избирать на вакантные должности кандидатов «из духовного происхождения».

Д. Н. Блудов, крупный российский государственный деятель, нашел компромиссное решение. Принимая во внимание необходимость соблюдения религиозных прав мусульман и сохранения спокойной общественной обстановки в крае, министр высказался за причисление к духовенству всех 864 вышеуказанных человек, пока они «исправляют духовные должности», что было закреплено указом от 3 октября 1833 г. В пользу законности такого решения он указывал на соблюдение процедуры назначения на духовную должность: избрание обществами в установленном порядке и утверждение высшим духовенством и губернским правлением. Отсутствие испытания у кандидатов на духовное звание на предмет знания основ религии было «нейтрализовано» аргументом о том, что со стороны прихожан на них «не было жалоб в незнании ими магометанского закона». Следует подчеркнуть, что это являлось временной вынужденной мерой: их дети и потомки не имели права быть духовными лицами. Специально подчеркивалось, что только они «лично были причислены к духовенству, детей же их и потомков записывать в податные состояния, без всяких при сем пред прочими преимуществ»¹¹.

Итак, вплоть до учреждения ТМДП в 1832 г. в Тавриде в вопросах определения на духовные должности духовная власть и местная администрация выступали больше в качестве наблюдателей и покорных регистраторов общественных приговоров религиозных общин, нежели реальными участниками и контролерами этого процесса. Дозволив в 1833 г. лицам недуховного происхождения «лично» приписаться к духовенству, правительство тем самым косвенно признало свое упущение 1794 г., когда оно, не учредив религиозное управление, лишило крымско-татарское высшее духовенство возможности организовать испытание кандидатов на духовные звания, как это происходило в стенах ОМДС.

¹⁰ ПСЗ-2. Т.8. Ч. 1. № 6466.

¹¹ Там же.

Заключение

Как обособленная корпоративная группа мусульманское духовенство Тавриды оформилось указом от 17 сентября 1796 г., когда получило льготу от налогов и повинностей. Состав мусульманского духовенства формировался особенно активно после эмиграционных волн в конце XVIII и начале XIX в. Его ядро составляли духовные лица ханской эпохи, признавшие своей новой родиной Россию, и их потомки. Дефицит в духовных лицах, вызванный эмиграционными движениями в Османскую империю, способствовал тому, что вакантные приходские должности занимали поселяне и мещане, сумевшие зарегистрироваться в ревизских сказках 1795 и 1811 гг. духовными лицами. Тем самым религиозные общины стремились обеспечить преемственность религиозной традиции и практики, создавая альтернативу в выборе местного духовного лидера. Идея создания в 1831 г. закрытого привилегированного сословия мусульманского духовенства Тавриды и таким путем установления контроля над динамикой его численности оказалась нереализуемой, иллюзорной. Уже в 1833 г. была легализована большая группа «личного» духовенства, состоящего из лиц податных сословий и освобожденного от налогов и повинностей на период духовной службы.

Список сокращений

МВД – Министерство внутренних дел
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е
ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е
РГИА – Российский государственный исторический архив
ТМДП – Таврическое магометанское духовное правление

Источники

О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу. 8 апреля 1783 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е*. Т. 21. СПб.: Типография II Собственной Его Императорского Величества отделения, 1830. № 15708. С. 897–898.

О принятии в службу татарских музрз и чиновных людей и о награждении их чинами не выше премьер-майора. 1 ноября 1783 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е*. Т. 21. СПб.: Типография II Собственной Его Императорского Величества отделения, 1830. № 15861. С. 1030–1031.

О позволении князьям и музрзам татарским пользоваться всеми преимуществами Российской дворянства. 22 февраля 1784 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е*. Т. 22. СПб.: Типография II Собственной Его Императорского Величества отделения, 1830. № 15936. С. 51–52.

О распоряжениях для открытия Таврической области, об определении в сию область к должностям жителей оной и об употреблении из статных сумм на присутственные места и другие заведения по усмотрению надобностей в оных. 24 апреля

1784 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е*. Т. 22. СПб.: Типография II Собственной Его Императорского Величества отделения, 1830. № 15988. С. 137–139.

О бытии в Таврической области Духовному магометанскому правлению под председательством муфтия. 23 января 1894 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е*. Т. 22. СПб.: Типография II Собственной Его Императорского Величества отделения, 1830. № 17174. С. 482.

Высочайше утвержденное положение о Таврическом магометанском духовном правлении и подлежащих ведению его делах. 23 декабря 1831 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е*. Т. 6. Ч. 2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 8. Ч. 1. СПб.: Типография II Собственной Его Императорского Величества отделения, 1832. № 5033. С. 337–345.

О причислении к магометанству тех только магометан податного состояния, кои исправляют магометанские должности. 3 октября 1833 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е*. Т. 8. Ч. 1. СПб.: Типография II Собственной Его Императорского Величества отделения, 1834. № 6466. С. 545–547.

Об изменении замещения должностей таврического муфтия и его помощника кади-эскера, рассмотрение донесений чиновника особых поручений Вашкевича, командированного в Симферополь для наблюдения за деятельностью Таврического магометанского духовного правления, и о признании необходимости пересмотра положения о названном Собрании и отмены наследственности в сословии таврического магометанского духовенства. В: *Российский государственный исторический архив*. Ф. 821. Оп. 8. Д. 625. 196 л.

Литература

1. Бойцова Е. В., Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайрединова З. З. *Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов*. Симферополь: Элиньо; 2009. 432 с.

2. Киреенко Г. К. О прошениях депутатов Таврической области на высочайшее имя в 1796 году и высочайшем указе 17 сентября 1796 года. *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1897;(2):11–19.

3. Александров И. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России. *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1914;(51):207–220.

4. Озенбашлы Ахмет. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар. В: Озенбашлы Ахмет. *Къырым фаджиасы. Сайлама эсерлер = Трагедия Крыма: Из истории трагической судьбы крымскотатарского народа*. Симферополь: Таврида; 1997. С. 52–55.

5. Крючков А. В. *Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство: последняя треть XVIII – начало XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук*. Саратов; 2006. 218 с.

6. Никифоров М. А. Деятельность Екатерины II и Григория Потёмкина в Крыму: декларация и реалии. В: Храпунов Н. И., Конкин Д. В. (ред.) *Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825*. Севастополь: Альбатрос; 2017. С. 27–36.

7. Киреенко Г. Ордера князя Потёмкина правителю Таврической области. 1787-й год. *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1888;(6):1–35.

8. Лашков Ф. Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 гг. (по делам, хранящимся в архиве канцелярии Таврического губернатора). *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1890;(10):79–106.

9. Киреенко Г. Ордера князя Потёмкина правителю Таврической области. 1788-й год. *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1891;(11):57–75.

10. Загидуллин И. К. (сост.) Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В. В. Вашкевича. Казань: Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу; 2016. 200 с.

11. Крючков А. В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство: последняя треть XVIII – начало XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов; 2006. 21 с.

12. Александров И. К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления. *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1918;(54):316–355.

13. Хайрединова З. З. Возникновение и развитие Таврического магометанского духовного правления (конец XVIII – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Киев; 2004. 253 с.

References

1. Boitsova E. V., Gankevich V. Yu., Muratova E. S., Khairedinova Z. Z. *Islam in Crimea. History of Islamic institutions. A collection of essays*. Simferopol: Elinio; 2009. (In Russ.)

2. Kireenko G. K Petition from the deputies of the Taurida Region to the Empress of Russia in 1796 and the Imperial Ukaze from the 17th Sept 1796 *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 1897;(2):11–19. (In Russ.)

3. Aleksandrov I. About the Muslim clergy and the spiritual affaires in Crimea after its annexation to Russia. *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 1914;(51):207–220. (In Russ.)

4. Ozenbashly Akhmet. How the Russian Imperial Government contributed to the emigration of the Crimean Tatars. In: *Ozenbashly Akhmet. Crimea and its Tragedy. The Crimean Tatars and their tragic history*. Simferopol: Tavrida; 1997. Pp. 52–55. (In Tatar)

5. Kryuchkov A. V. *The annexation of Crimea and the beginning of its integration into the Russian Empire (last third of the 18th cent – beginning of the 19th cent.) Ph. D Thesis (Hist.)* Saratov; 2006. (In Russ.)

6. Nikiforov M. A. Catherine the Great and Prince Potemkine. Their policy in Crimea: declarations and reality. In: Khrapunov N. I., Konkin D. V. (eds) *The integration Crimea into the Russian Empire 1783–1825*. Sevastopol: Albatros; 2017. Pp. 27–36. (In Russ.)

7. Kireenko G. Prince Potemkine's orders to the Ruler of the Tauria region in 1797. *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 1888;(6):1–35. (In Russ.)

8. Lashkov F. F. Sources for the history of the Second Turkish War 1787–1791 (from the Arkhives of the Taurian Gouvernement) *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 1890;(10):79–106. (In Russ.)

9. Kireenko G. Prince Potemkine's orders to the Ruler of the Tauria region in 1788. *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 1891;(11):57–75. (In Russ.)

10. Zagidullin I. K. (ed.) *The Islamic clergy of the Taurian Province at the end of the 19th cent. (A report issued by V. V. Vashkevich)*. Kazan: Gosudarstvennyi komitet Respubliki Tatarstan po arkhivnomu delu; 2016. (In Russ.)

11. Kryuchkov A. V. *The annexation of Crimea and the beginning of its integration into the Russian Empire (last third of the 18th cent – beginning of the 19th cent.)* Ph. D Thesis (Hist.) Saratov; 2006. (In Russ.)

12. Aleksandrov I. Sources for the history of establishing the Islamic clergy administration in the Province of Tauria *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 1918;(54):316–355. (In Russ.)

13. Khairedinova Z. Z. *The rise and development of the Islamic clergy administration in the Province of Tauria (end of the 18th cent – beginning of the 20th cent.)* Ph. D Thesis (Hist.) Kiev; 2004 (In Russ.)

Информация об авторе

Загидуллин Ильдус Котдусович, доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Ildus K. Zagidullin, Ph. D habil. (Hist.), Head of the department of modern history at Sh. Marjani Institute of history of Ministry of education and science of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 7 октября 2018 г.
Одобрена рецензентами: 8 ноября 2018 г.
Принята к публикации: 14 ноября 2018 г.

Article info

Received: October 7, 2018
Reviewed: November 8, 2018
Accepted: November 14, 2018